

№ 8.

Пятница 12-го сентября 1914 г.

Цѣна 5 к.

ИРКУТСКАЯ ЖИЗНЬ

Театръ.

„Чайка“ пьеса П. А. Чехова.

Странное впечатлѣніе произвела Чеховская „Чайка“ на сценѣ нашего городского театра. Было такое чувство, какъ будто кто то родной и близкій рассказываетъ чужимъ и равнодушнымъ людямъ о своихъ переживаніяхъ, думахъ, надеждахъ... Чужіе терпѣливо слушаютъ рассказъ, но немного недоумѣваютъ. Зачѣмъ имъ эти изліянія? И ждутъ когда кончится рассказъ и начнется на сценѣ обычное „дѣйство“.

И не плохо поставлена была пьеса и не плохо играли артисты. Но какъ то отдѣльно существовали въ этотъ вечеръ шумный, беспокойный зрительный залъ и тишина сумеречная сцена.

— Отчего вы всегда въ черномъ?

— Это трауръ моей жизни — я несчастна.

Такимъ тихимъ вступленіемъ начинается „Чайка“.

— Напи мѣста въ 3-мъ ряду... № 17 и 18... Позво те пройти...

Звенять шпоры, шумить платве.

Такъ начинается жить зрительный залъ.

Въ послѣднемъ актѣ на сценѣ раздается выстрѣлъ.

И послѣднія слова доктора Дорна тонуть въ легкомъ шуршащемъ движеніи зала къ выходу.

Вся иѣжная задумчивость Чехова не проникла на этотъ разъ за грань рамы и не соединила въ одномъ трепетномъ переживаніи эти два чуждыхъ міра...

Такъ все казалось

Но перейдемъ къ исполненію.

Г-жа Поль — „Чайка“: Артистка съ большимъ драматизмомъ провела роль Нины Зарѣчной. Но это не была та свѣтлая и та ясная дѣвушка, которая какъ чайка любила свое озеро и жила на немъ. У г-жи Поль образъ Нины получился какимъ то надрывнымъ, обреченнымъ. Вся точно въ предчувствіи будущей печали, безъ улыбки, безъ ясной простоты чайки — вотъ какой изобразила г-жа Поль Нину Зарѣчную. Этотъ образъ никакъ не вяжется съ создавшимся образомъ „Чайки“. Послѣдній же актъ, гдѣ Нина уже актриса, уже несчастна, — проведенъ былъ г-жей Поль червно, тонко и красиво.

Г-жа Харзи проявила нѣкоторый недостатокъ темперамента въ исполненіи ея роли Аркадиной. Спокойной, благодушной получилась фигура Ирины Николаевны, а вѣдь она тоже переживаетъ бури, и не малые бури.

Очень странно игралъ г. Сибѣговъ роль Тригорина. Артистъ почему то изобразилъ знаменитаго писателя вычурно и натянуто. По сценѣ Тригоринъ — Сибѣговъ не ходитъ, а выступаетъ, слова не просто говоритъ, а изрекаетъ. Эта вычурность, какъ мнѣ кажется, была не уместна. Тригоринъ, хоть и знаменитъ, но у него „простая душа“, онъ конфузится, знакомясь съ Зарѣчной, значитъ приче́мъ же здѣсь величественный видъ?

Въ нервныхъ и искреннихъ тонахъ велъ г. Прокофьевъ роль Треплева. Мѣшала лишь артисту излишняя торопливость рѣчи и движеній, отчего образъ Треплева казался какимъ то мелькающимъ.

№ 8.

Близкіе къ чеховскимъ образамъ по общей ихъ обрисовкѣ дали: г. Градовъ (докторъ Дорнъ), г. Прозоровскій (Соринъ), А. П. Смирновъ (Шамраевъ), г-жа Суханова (Полна Андреевна), г-жа Прокофьева (Маша) и г. Пичугинъ (Медвѣденко).

Е. Михайлова.